

В.П.Желиховская

Два вечера с лондонскими индусами

I

– Что такое сутки Браммы, – вы хотите знать?.. Это ни больше, ни меньше, как четыре миллиона и 320000 лет... Всего на все!.. В сравнении не только с вечностью, но даже с одним *Махаюгом*¹ – ничтожный миг!..

– А это еще что за штука – ваш Махаюг?

– Махаюг этот самый составляют тысяча *Манвантар* и *Пралая*, т.е. тысячу таких суток. *Манвантара* – день, *Пралая* – ночь, – так учат премудрые Веды. Вместе же, извольте видеть, как сказано: 4320000 лет – сутки Браммы. В течение ночи сам он, – а за ним и все мирозданье, – спит в непроглядной тьме, в полной неподвижности и бессознательности смерти. Кончается великая Пралая... Первый вздох, дуновение Великого – и все мирозданье содрогается приливом новой жизни. Брама подымает вежды – и новая заря разливается над хаосом... Он простирает длань – и вот светила небесные вновь зажигаются, все оживает, все приходит в движение... Начинается новая эра – Манвантара, день Браммы; а для нас, кратковечных эфемерид², слабосильных инфузорий, чуть ли не бесконечная вечность, продолжительности которой мы даже и представить не можем!..

Такую речь держала нам пожилая, высокая, очень полная женщина нынешним летом в одном из западных, цветущих садами, кварталов Лондона. Она сидела в высоких и глубоких креслах, в своем кабинете-гостиной, убранной многими диковинками, вывезенными из Индии, где эта русская гражданка Северо-Американских Штатов провела последние годы своей многоиспытанной жизни... Эта замечательная во всех отношениях *крупная* женщина, проработав за письменным столом свои положенные десять-двенадцать часов, теперь отдыхала в небольшом кругу своих близких друзей, между которыми находились двое-трое полнейших профанов, вроде меня.

Это было не в четверг – в день официальных, еженедельных собраний членов основанного ею общества; даже не ее приемный день для многочисленных знакомых, простых смертных, которые осаждают ее по субботам; это был *свободный* день Елены Петровны Блаватской, основательницы теософического общества, издательницы пресловутого английского журнала «Lucifer» и других подобных сочинений, возбуждавших и ныне продолжающих возбуждать различные мнения и чувства в образованных классах всех стран.

Сегодня посторонних у нее было мало, что нас, завсегдатаев, несказанно радовало именно потому, что в многочисленном обществе ученых всех стран, вечно ее окружающих, нам, азбучникам, пришлось бы помалкивать, стыдясь своего невежества; а мы очень любили расспрашивать ее без стеснений и без программ относительно всего, что Бог на душу положит. Помимо ее глубоких научных знаний, она столько ездила, столько видела на свете и так умела рассказывать, что слушать ее, – в особенности, когда она в духе, – большое удовольствие!

Но, по обыкновению, мы не долго оставались en petit comité³. Хотя г-жа Блаватская и старалась откупиться от посетителей двумя приемными днями в неделю, но желающих видеть ее

Публикуется по: Новости и биржевая газета, 1889, №231, 23 августа; №237, 29 августа; №247, 3 сентября.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

События в очерке происходят в то время, когда В.П.Желиховская вместе с дочерью Верой гостила у Е.П.Блаватской в Лондоне летом 1888 г.

Вера Владимировна Желиховская (в замужестве Джонстон, ок. 1862–1921) – писательница, жена Чарльза Джонстона (1867–1931), ирландского санскритолога, востоковеда и теософа.

¹ Современное написание: юга (женского рода).

² Эфемерида – бабочка-однодневка.

³ в тесной компании (*фр.*).

такое множество и между ними столько людей, для которых невозможно не сделать исключения, что гости у нее всегда есть, в особенности, по вечерам, когда она, как всем известно, оставляет письменные занятия ради отдыха. Заезжих в Лондон иностранцев из всех частей света возле нее всегда множество: в особенности американцы и приезжие из Индии навещают ее толпами. В Америке, ведь, она и полковник Олькотт⁴ положили начало своей пропаганде древних арийских наук и теософических идей; их учение там процветает почти так же блистательно, как и в Индии, хотя нигде не произвело такого социального переворота, как там. Уважение и признательность бронзовых детей Бенгала, Калькутты и Пенджаба к основателям теософического общества именно тем и мотивируется, что пребывание их в Мадрасе и Бомбее, распространение их убеждений, не допускающих никакого социального неравенства, не признающих ни каст, ни национальных отличий, произвело благодетельный переворот в общественных отношениях англичан к туземцам. Мы слышали об этом нравственном влиянии теософистов, истинно благодетельном для бедных, забытых индусов, от множества англичан, долго живших в Британской Индии. Все возвращающиеся оттуда на родину после десятилетнего пребывания, вся местная интеллигенция с берегов Ганга, приезжающая в Лондон понабраться европейского ума-разума, – все, почти без исключения, являются на поклон к основательнице и главной представительнице в Европе теософического общества. Вообще, каждому, посещающему Е.П.Блаватскую, приходится видеть много интересных людей, европейских знаменитостей. Но в этот вечер немногочисленные посетители ее почти все оказались ее старыми знакомыми «с Востока».

Сначала вошел высокий, толстый господин с львиной головой и открытым лицом, которому мы все очень обрадовались. Это был известный художник, живописец и большой путешественник, славянин по происхождению, замечательный лингвист Александр Свобода⁵. Он известен в Лондоне своими картинами Индии, Египта и Малой Азии; но еще более знают его в мире ученом, так как ему принадлежит честь открытия в окрестностях Лаодикии, в древнем Гиераполисе⁶ (ныне Памбук-Кале⁷), знаменитого у римлян и греков источника *Плутониума*. Геродот и Страбон⁸ упоминают об этом смертоносном источнике ада, к которому ничто живое не может приблизиться на расстоянии сажени⁹, чтобы тотчас не умереть, как об известном всему миру явлении; но впоследствии он исчез бесследно, так что его считали иссякшим. Тем не менее, местность в Гиераполисе слыла нездоровой и все жители, мало-помалу, переселились из окрестностей этого, когда-то знаменитого, курорта. Множество минеральных вод и поныне бьет там среди величественных развалин, но Плутониума, как ни искали, найти не могли, пока, наконец, лет семь тому назад Свобода, снимая фотографии и вечно роясь в развалинах, не заметил его места нахождения по тому, что пролетевшая мимо птичка вдруг свалилась на землю мертвой... Художник с величайшими предосторожностями раскопал этот источник и привез в Лондон его воды для химического расследования. В ней оказалось 45,3% азота, 7% кислорода, 8,84% серного водорода и 33,227% *угольной кислоты*. Недаром Свобода переморил над ним дюжину кур и цыплят!..

С ним вошла его жена, высокая, стройная и еще очень красивая итальянка¹⁰. Они принесли фотографии различных развалин и видов, снятых Свободой в Бомбее и на Цейлоне, которые Елена Петровна хотела видеть. Они пришли очень кстати, потому что, увлекшись воспоминаниями

---

⁴ Олкотт Генри Стил (1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

⁵ Свобода Александр Шандор (1826–1896) – словацкий художник, востоковед, фотограф.

⁶ Иераполь (Иераполис, Гиераполис, *тур.* Hierapolis, *греч.* Ἱεράπολις).

⁷ Памуккале (*тур.* Pamukkale).

⁸ Геродот Галикарнасский (ок. 484 – ок. 425 до н.э.) – древнегреческий историк.

Страбон (ок. 64/63 до н.э. – ок. 23/24) – греческий историк и географ.

⁹ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,16 м.

¹⁰ Трикон Марианна (1848–1918) – жена А.Свободы.

при виде снимков «слоновой пещеры», она рассказала нам много интересного об ее гигантской резьбе на скалах подземных ходов¹¹.

Потом приехали двое больших друзей Е[лены] П[етровны], так же как и мы норовивших всегда заставить ее в сравнительном одиночестве, чтобы спокойнее пользоваться ее обществом, полковник Гордон с женой¹², также многолетние резиденты Индии. Едва успели они сесть и присоединиться к хору общих воспоминаний, как звонок возвестил о новых посетителях... На этот раз хозяйка дома сморщила было брови, но веселый голос, раздавшийся в передней, быстро разгладил их и всех нас заставил радушно улыбнуться: новый гость не мог быть лишним, напротив, он является очень кстати. Это был прелестный бело-розовый старичок, тридцать лет издававший в Бомбее газету – «Times of India», м-р Матиас Мёлль¹³, которого дом в Лондоне был средоточием всей молодой Индии.

Седой, как лунь, но румяный, как здоровый ребенок, и такой же веселый, вечно оживленный рассказчик, этот старик возбуждал общую симпатию. Сам он имел лишь два пристрастия: к индусам с их солнечной родиной и к Шекспиру со всеми его героями... Десять лет уже он живет на покое и занимается переводами его творений на санскритский язык, а на английском их комментирует и читает народу на бесплатных воскресных лекциях. Англичане чрезвычайно ценят его комментарии, но слегка косятся на его добрые, чисто родственные отношения ко всему причастному Индии, – вне ее высокомерных повелителей... Сами же уроженцы берегов Ганга и подножия Гималаев, кажется, гораздо больше ценили его доброе к ним расположение, чем переводы «Гамлета» и «Венецианского Мавра», хотя исправно являлись слушать его чтения. Многие из них, прибыв в Лондон для изучения медицины или права, прямо поселялись в его доме на хлеба к старому Мёллю, знавшему их с рождения или водившему дружбу с отцами их еще до их появления на свет Божий.

Все приветствовали старика дружески. Но он оказался не один: за ним в сумраке неосвещенной столовой выделялись несколько темных силуэтов, увенчанных белыми тюрбанами...

– Веду гостей! Целую депутацию! – издали еще весело кричал он. – Вот! Сдаю их вам с рук на руки, Эч-Пи-Би (Н.Р.В.)¹⁴. Одолели меня совсем. Пристают: когда полковника Олькотта ждете? Скажите им, пожалуйста. А вот эти двое не для него, а для вас собственно пришли: мальчиками вас в Дарджелинге¹⁵ видали и сгорают желанием скорее вновь увидеть вас и передать вам привет от своих отцов и родичей.

Белые тюрбаны, в числе пяти или шести, безмолвно выступили из-за посторонившейся маленькой фигурки старичка; сверкнули черные глаза, мелькнули бронзово-коричневые, выразительные лица и в ту же минуту скрылись за поднятыми ко лбу руками, – головы индусов склонились в низком почтительном поклоне.

– Салаам¹⁶!

---

¹¹ Речь идет о пещерах Элефанта (elephant *англ.* слон), расположенных в центральной части острова Гхарапури близи города Мумбаи (Индия). Так называемый «Город Пещер» содержит большое собрание наскального искусства, посвященного культу бога Шивы.

¹² Гордон Уильям (1831–1909), генерал-майор англо-индийской армии, и его жена Элис – теософы.

¹³ Малл Матиас (Mull, 1820–1893) – английский журналист и издатель газеты «Times of India».

В.В.Джонстон писала 25 октября 1891 г. В.П.Желиховской: «Получил тоже Чарли приглашение участвовать в Бомбейской газете “Times of India”. Ее редактором был когда-то известный тебе Mathias Mull, старикашка, тетин друг. Теперешний же ее редактор тетю ненавидит, это он написал, что она обморочила легковерных Индусов Теозофов. Чарли принял приглашение, но так занят, то вот уже две недели не соберется написать статью, план которой готов» (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 68. Л. 70–70об.).

Чарли – Ч.Джонстон.

¹⁴ Буквы Н.Р.В. – начальные в имени: Helena Petrovna Blavatsky, по-английски выговариваются отдельно так: эч, пи, би. Для краткости многих там, в разговоре, так и называют первыми буквами имен. Блаватская между близкими зовется Эч-Пи-Би; Mabel Collins – Эм-Си и т.д. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁵ Современное написание: Дарджилинг (*англ.* Darjeeling).

¹⁶ Современное написание: салам.

– Салаам, милые друзья! Милости просим... Подойдите! Узнаю ли я вас? – приветливо отозвалась хозяйка.

Но, разумеется, не могла признать юношей, которых десять лет тому назад видела детьми. Они сами назвали себя, напомнили имена своих старших, – конечно, необычайно длинные, витиеватые и неудобнопроизносимые имена. Один был сын какого-то бабу Канчунпрашта Мадал Чатерджи Семаиа; другой – племянник пандита (ученого) Башьячарьяр Дхар Нрития Базу Аясвами, – или нечто подобное, – за подлинную верность имен не ручаюсь. Первый напомнил, что его сестры вышли когда-то для «старой дамы» (the old lady – обычное название, даваемое Елене Петровне в Англии и Индии теми, кто прозвище *Эч-Пи-Би* считает слишком фамильярным) опахало павлиньими перьями и крыльями изумрудных жучков; дядюшка второго участвовал в доставке ей в Адыр сандалного дерева для будущего костра, на котором сожгут ее тело¹⁷. Одним словом, воспоминаниям, вопросам и поклонам не было конца. С воспоминаний перешли на «метафизические *спекуляции*», – по выражению хозяйки дома, слегка забывающей русскую речь, а потому позволяющей себе порой вольные переводы с английского...

В этом разговоре все индусы приняли живое участие. У них некоторые пятнадцатилетние юноши больше интересуются и понимают в отвлеченных вопросах, чем в Европе некоторые ученые или мнящие быть таковыми. Между теми индусами, которые давно жили в Лондоне и успели нахвататься чуждых отечеству их материалистических учений, был один ярый поклонник крайних философов-атеистов¹⁸. Таких безбожников достаточно между молодым поколением британской Индии; но они, вообще, не допускаются в среду теософистов, которые терпят все религии и все убеждения, кроме безверия и безусловного отрицания мира духовного и бессмертия души. Материалистам в их обществе нечего делать; но этого терпели по каким-то старинным отношениям, хотя не стеснялись высказывать ему свое нелестное мнение о нем. Он и сам редко бывал у Блаватской; теперь зашел с другими, чтоб узнать, скоро ли приедет Олькотт, с которым ждал какой-то посылки от своего отца, богатого раджи или чуть ли не принца. На него жестоко нападали все остальные гости; особенно один из двоих вновь прибывших юношей, принадлежавший к очень строгой религиозной секте – ведантинцев¹⁹, не допускавший возможности легко говорить о божестве или каких-либо его атрибутах. Антагонисты спорили, не возвышая голоса и не изменяя требованиям утонченной восточной вежливости; ражий Дия Нал Чанд Банарджи, материалист, говорил небрежно, с едва заметной иронией в певучем голосе, с усмешкой, по временам косившей его лоснившееся лицо, но почти не подымая глаз, прищуренных как у кота, и откинувшись грузным телом на спинку кресла. Одет он был, кроме белого кисейного тюрбана, низко спущенного на левый висок и щеку, в европейское платье. Его молоденький оппонент еще не успел перерядиться, даже наполовину, в англичанина. На нем было что-то вроде

¹⁷ Костер для кремации Е.П.Блаватской давно сложен в саду возле ее дома в Адыре и ждет ее. Где бы она ни умерла, тело ее свезут обратно в Индию и там предадут торжественному сожжению. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁸ «Народы Индии не делают ничего вполнину: они или величайшие фанатики, или же безусловные атеисты. Их любовь, как и ненависть, безгранична, и когда индус назвал вас без принуждения “братом” или “другом”, то это не пустая фраза. Все наши спутники были “реформаторами” (как их здесь называют) и давно порвали все связи с браминами и сектами, но зато все до одного были мистики, верующие в высшее духовное развитие человека, убежденные, что такое развитие способно поставить последнего почти на уровень с божеством, если только он того достоин. Но рядом с грубыми фанатиками и образованными, в высшей степени экзальтированными <...> мистиками к толпе “свободных мыслителей” (как они себя величают) с каждым годом из рядов учащейся молодежи прибавляются новобранцы школы Чарльза Брэдлоу и Луиса. За последнее десятилетие под “благодетельным” влиянием (скорее чисто английского, нежели западного) воспитания происходит нечто феноменальное: все учащееся в городских школах и коллегиях юное поколение выпускается из оных безвозвратно атеистическим. Исключения чрезвычайно редки» (*Радда-Бай. Из пещер и дебрей Индостана. Письма на Родину. М., 1883. С. 305–306.*)

Брэдлоу Чарльз (Bradlaugh, 1833–1891) – английский философ, политический деятель, основатель Лиги свободомыслящих, где проповедовались атеизм и республиканские идеи.

Льюис Джордж Генри (Lewes, 1817–1878) – английский журналист, литературный критик, философ-позитивист.

¹⁹ Индусы школы Веданты признают лишь единого Великого Духа – Парабраму. У них есть секта, называемая Адвайти, члены которой часто достигают высшего сана радж-йога. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Адвайта-веданта – индийская философская система, наиболее известная разновидность веданты.

подрясника, длинное и темное, обтягивавшее узенькие плечи его вплотную, а тюрбан повязан был без всякой претензии на шик строгими, прямыми складками, из-под которых длинные волосы падали на плечи. Он сидел прямо, смотрел на все и всех смело открытыми, красивыми, черными глазами, говорил более горячо, нежели другие, и порой, в пылу спора, его юношеский голос смешно срывался на крикливую, скрипучую нотку. Симпатии всех присутствовавших были на его стороне. Блаватская за него горячилась гораздо больше, чем сам он.

Забитый со всех сторон, обангличанившийся индус, наконец, умолк и, при первой возможности, встал и откланялся, заявив, что очень рад предстоявшему через несколько дней свиданию с уважаемым полковником и тотчас явится, как только тот приедет. С ним ушли еще двое; остались европейцы и трое индусов, все искренно преданные теософизму или, по крайней мере, его представительнице. Один из последних, успешно окончивший курс законник, кандидат на судебную должность в своем далеком отечестве, Бенаресе, с грустью заметил, что потому-то, именно, национальный характер их так низко пал, так мало уважается иностранцами, что в них слишком мало стойкости, что они слишком склонны перенимать на веру все, даже бессмысленное, – не только просто дурное, – от европейцев.

Полковник Гордон заметил, что это черта общая всем поработанным народам, отбившимся от своего, а к чужому не приставшим; а бывший издатель индийской газеты прервал его возражением, что такой черты в индусах прежних лет не бывало и что если ныне они изменяются к худшему, то это не их вина, а весь позор падает на англичан – учителей их и преобразователей...

– В мое время о пьянстве, например, и слышно не было вне больших городов, уже и тогда развращенных Ост-Индской кампанией; а теперь вот, слышу я, нет деревушки, нет ни одного индусского бенглоу²⁰ в поле, в соседстве с которым не оказалось бы кабака, – говорил он.

– Да! Мне пишут, что пьянство, покровительствуемое правительством, сильно распространяется не только в Индии, но и на Цейлоне, где прежде о крепких напитках и не слыхивали, – сказал художник, оскалив улыбкой свои белые зубы.

– Правительство, быть может, поощряет распространение джина и виски, без которых ведь вы, англичане, не можете нигде обойтись; почему же не препятствуют их употреблению народом власть имеющие туземцы, те же правительственные лица, но из ваших соотечественников? – сказала одна русская дама, мало, как видно, знакомая с порядками в Британских владениях.

– Что такое? – протянула хозяйка дома, расхохотавшись.

И все выходцы из заокеанной Британской империи расхохотались вслед за ней; а природные индусы печально потупились.

– Кто когда-нибудь слышал о правительственном лице из индусов? – продолжала Блаватская. – Да разве правительство королевы Виктории²¹ допустит такое унижение?... – О, всероссийская наивность!.. Вы думаете, что у них так же, как у нас!.. Да никогда индус, будь он хоть семи пядей во лбу, дальше нижнего чина не вылезет.

– Позвольте! – прервал ее полковник Гордон. – Неужели у вас в России буддисты и магометане достигают больших чинов?

– Почему же нет, если они служат? Есть множество татар, калмыков и нагайцев – генералов русской службы.

Индусы открыли изумленные глаза и смотрели, словно ушам своим не веря.

– Быть может, они меняют веру, вступая на службу? – заметила м-рс²² Гордон.

– Никогда! – горячо возразила Блаватская. – Наша варварская страна повеликодушнее вашей гуманной Великобритании.

– У нас и ордена есть особые – знаки отличия, установленные для нехристиан. Мусульман у нас в службе пропасть, особенно в военной! – сказала русская дама.

---

²⁰ бунгалло (*англ.* bungalow) – одноэтажный дом дачного типа с плоской крышей, первоначально дом европейцев в Индии.

²¹ Виктория (1819–1901) – королева Великобритании с 1837 г.

²² мистрис (*англ.* mistress) – употребляется как обращение или форма вежливого упоминания по отношению к замужней женщине в англоязычных странах.

– Да и буддистов немало! Ведь, ногайцы и калмыки все буддисты, – заметила другая.
– И они могут достигнуть генеральства? – недоверчиво осведомился один из индусов.
– Без сомнения, могут и достигают совершенно наравне с русскими православными, – отвечали мы.

– Не думайте, чтобы в России притесняли русских поданных иноверцев! – вскричала Блаватская, с особой радостью всегда выставляющая преимущества своего покинутого отечества пред другими странами. – У нас веротерпимость полная не на одних словах! И, Божьей милостью, миссионеры никому ножа к горлу не приставляют, как в ваших колониях.

– Но... может быть, такие факты – редкие, особые исключения? – неуверенно допрашивал даму один из молодых индусов.

– Нисколько!.. Все мы знаем десятки генералов-магометан...

– Вероятно, по званию только?.. Им дается генеральство как отличие... в особое поощрение! – заговорили англичане. – Не может быть, чтобы им при этом давались власть и генеральские места?

– Как!.. Да на Кавказе множество генералов из татар командуют отдельными частями. Во время последней войны с Турцией мой сын²³ служил в полку, которым командовал мусульманин²⁴! – протестовала я.

– И ваше правительство не боится отдавать в распоряжение мусульман свои полки?

– И солдаты, и офицеры христиане повинуются иноверцам?

– Да еще в войне с их единоверцами-турками! Это крайне рискованно!

– И вы можете назвать этот полк и его татарина-командира? Вы могли бы также назвать ваших генералов из нехристиан? – посыпались на нас восклицания и вопросы европейцев и бронзовых детей Индии, изумленных нашими словами.

Конечно, мы постарались всем ответить, всех удовлетворить.

Пораженные индусы вынули свои записные книжки и усердно записали данные нами имена полковников и генералов нехристиан, состоящих на русской службе...

– Это мы покажем! Мы про это расскажем своим! – задумчиво повторили они, покачивая многозначительно головами.

– А еще нам рассказывают, что русские – безжалостные тираны... что владычество над нами англичан – легкое перышко в сравнении с железными тисками, налагаемыми русским правительством на подвластных им иноверцев! – шептал нам один из индусов, пока остальное общество вело шумный разговор о том же предмете.

– Если в одном справедливость, то и во всем она должна быть! – вслух размышлял другой.

– А скажите, – возвысил голос индус, кандидат на судебную должность, – выказывают русские правители уважение чуждым вероисповеданиям, вообще?

Мы отвечали, что, насколько нам известно, и правители, и, вообще, образованные русские люди относятся почтительно к каждой вере и к каждому храму, будь то мечеть, капище огнепоклонников или даже синагога...

– Нет! Не то, – задумчиво прервал нас законник, – фанатизм и предрассудки не могут не существовать в массах; но поощряются ли в вашей стране *правительством* оскорбления верованиям людей, не принадлежащих к господствующей религии?.. Позволят ли, например, какой-нибудь купеческой фирме в России взять себе торговой маркой (a trade-mark) какой-либо религиозный символ, – изображение Магомета, например?

Мы восстали в один голос. Ни наши думы, ни купеческие управы никогда не утвердили бы такой марки.

Индус печально повернулся к Гордону, Мёллю и другим англичанам.

---

²³ Яхонтов Ростислав Николаевич (1858–1824) – генерал-майор (1917), в 1876–1904 гг. служил в 15-м драгунском Тверском полку (с 1891 г. 43-й драгунский Тверской полк), сын В.П.Желиховской.

²⁴ Новрузов Мирза Гаджи-бек (1832–?) – азербайджанец, генерал-майор (1878), генерал-лейтенант (1896), командир 15-го драгунского Тверского полка (1875–1878), который участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

– Как же вы, господа англичане, так охотно говорите о варварстве и деспотизме русских? Так высоко превозносите свой либерализм и свою гуманность, а между тем поощряете подобные оскорбления верованиям и национальным чувствам нашим! – сказал он, вынимая из кармана номер одной из больших индийских газет. – Посмотрите! Чье это изображение? – прибавил он, подавая номер хозяйке дома.

– Будды! – ответила она, взглянув. И все ее гости, склонившись над ней, подтвердили то же. – Но что ж это такое?

– А вот не угодно ли прочесть, какой скандал произошел в Бомбее из-за того, что компании англичан, торговцев чаем, вздумалось взять своей *trade-mark*²⁵ изображение великого преобразователя, чтимого 500-ми миллионами людей...

И он прочел статью о глубоком негодовании, чуть ли не народном возмущении, произведенном самодурством одной купеческой фирмы²⁶, которую начальству вздумало поддерживать к великому скандалу всех здравомыслящих людей... Чтение это вызвало всеобщее искреннее негодование; но выражение лица молодого индуса-ведантиста меня положительно испугало, – такой глубокой злобой исказились его характерные черты и так *пожелтело* его коричневое лицо!..

– Ну, если бы таких, как этот, было много в Индии, – сказала я, наклонившись к Блаватской, – несдобровать бы там британскому престижу.

– Но, к счастью королевы Виктории, таких немного! – ответила она. – Магометанское население способней возмутиться, чем эти бедняки.

– По трусости? – спросила я.

– Отчасти... Но нет! Скорее из-за фанатизма, которого не искоренишь. Каждый буддист твердо верит, что он живет в фатальном периоде; что наступил *кали-юг* – «черный век», в продолжение которого всем суждены испытания и горе, которые не в силах отворотить сам великий Парабрам. «Надо смириться и терпеть *всё*», – говорят они и терпят!

Мы говорили по-русски, но м-р Мёлль, поглядывая своими блестящими голубыми глазками то на индуса, то на нас, казалось, понимал смысл нашего разговора. Он вдруг наклонился к нам и протянул утвердительное: «Yes-s-s!»²⁷

– Да-да! Вы правы! – глубокомысленно согласился он. – Таким, как этот юноша, у нас в Лондоне не место... Не примирит его *с нами* пребывание в Англии, – а еще более отвратит. Таким, как он и как Диарма Чандра Багарусвами из Чандернагора, лучше бы сидеть дома, чем по европейским университетам разъезжать.

– Ах, да! Что он подельывает, Диарма Чандра? Я давно его не видала, – спросила Елена Петровна. – Бывает он у вас? Поет? Славный голос у него был.

– Редко! – ответил старик, сжав губы в отрицательную улыбку и вертя головой. – Редко бывает, а еще реже поет. Куда девалась его прежняя веселость!.. Совсем другой человек стал. Впрочем, вернется в Индию, повеселеет! Только и думает о возвращении и очень счастлив тем, что доедает свои последние обеды в *Temple Bar*²⁸.

Гордоны и Свобода с женой поднялись, чтобы распрощаться. Художник собирал свои фотографии, обещал в следующий раз привезти последние свои картины: «Похищение в пустыне» и «Ниобея», о которых много говорили в то время. Недостаток времени и больные ноги мешают Е.П.Блаватской ездить по выставкам и мастерским; очень многие художники привозят ей свои произведения на дом. Она благодарила и прощалась, а в это время м-р Мёлль обратился ко мне и к

---

²⁵ товарной маркой (*англ.*).

²⁶ Мне крайне жаль, что я не сохранила № газеты, где это подробно рассказывалось, так что не могу назвать ни ее, ни купеческой фирмы, взявшей себе в печать изображение Будды. Случилось это в августе нынешнего года. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²⁷ «Да-а-а!» (*англ.*).

²⁸ Обычай, освященный веками, – что в Англии равняется закону, – требует, чтобы каждый юрист, до поступления на службу, съел известное число обедов в ресторане при здании суда (*Temple Bar*) в Сити. – *Примечание В.П.Желиховской.*

другим двум дамам, близким хозяйке дома, с просьбой почтить его своим посещением на другой день вечером.

– Вы, ведь, любите оригинальные зрелища, – говорил милый старик, – а завтра у меня *национальный* индийский вечер. Нигде не увидите такого собрания!.. Все эти господа будут в своих национальных костюмах. Джентльмены будут петь, танцевать свои танцы и принесут свои музыкальные инструменты.

Мы, разумеется, поблагодарили, согласившись с большим удовольствием.

М-р Матиас Мёлль обратился с просьбой к Блаватской, проводившей гостей своих, объясняя, какое бы это было счастье ему и удовольствие всем его гостям, если бы она могла быть на этом вечере... Она отвечала, что и сама была бы очень рада, но обещать не может, неуверенная в своем здоровье.

– А по какому это случаю у вас такое сборище? – спросила она бывшего журналиста.

Он объяснил, что это прощальный вечер ему и м-ру Ресселю²⁹; что многие отъезжающие «индийские джентльмены» сговорились доставить им это удовольствие на прощание и просили их пригласить кого им угодно посторонних.

– Рессель также хотел просить вас, – прибавил он. – Он будет читать... Диарма Чандра обещал непременно быть, а мы уж упросим его пропеть «Брата»... Помните, как он его нам пел в пальмовом лесу под лианами? – обратился он к хозяйке. – Эффектно было!.. И хорошее было время! *Happy time, indeed*³⁰!..

– Очень счастливое! – согласилась со вздохом Елена Петровна. – И как подумаешь, что уж ему «никогда не возвратиться». «*Never more! Never more!*»³¹ – как и в той песне об исчезнувшем брате Диармы Чандры.

II

Мистер Эдмонд Рессель – артист в живописи, в декламации, в драматическом искусстве; известный лектор и «эстетик», успешно состязавшийся в славе с главой американского (ныне лондонского) эстетического общества мистером Оскаром Уайльдом³², – один из самых частых посетителей Е.П.Блаватской. Он и жена его³³, прелестная женщина, ученица Дель-Сарта³⁴, тоже читающая лекции об «*Expression in art*»³⁵ – о поэзии движений, о *гармонии* в мимике, в голосе, в обстановке и т.п., сформировали многих драматических артистов. Они оба из Нью-Йорка, где у них была профессиональная школа; но они нашли более приятным и выгодным путешествовать и читать лекции и вот пятый год как переселились в Европу. В Лондоне они сразу стали общими любимцами и необходимыми членами каждого аристократического собрания, имевшего претензию на моду и оригинальность. Их разрывали, года три тому назад, по дворцам и *Mansion'am*³⁶ всяких принцев и лордов; ныне явились другие фавориты, и на них мода притихла и спрос поубавился. Тем не менее, лекции их всегда переполнены слушателями и, действительно, чрезвычайно интересны.

Ища везде самобытной красоты, оригинальности и живописности во всем, Рессель сошелся с индусским кружком Мёлля и нередко доставлял ему бесплатные удовольствия слушать его лекции или чтение какого-либо поэтического произведения. Рессель читает мастерски, в особенности,

---

²⁹ Russell Edmund.

³⁰ Счастливое время, в самом деле (*англ.*).

³¹ «Никогда! Никогда!..» (*англ.*).

³² Уайльд Оскар (1854–1900) – ирландский философ, эстет, писатель, поэт.

³³ Edmund Russell.

³³ Crane Russell Henrietta Hovey (1849–1918).

³⁴ Дельсарт Франсуа (Delsarte, 1811–1871) – французский певец, вокальный педагог и теоретик сценического искусства.

³⁵ «Экспрессии в искусстве» (*англ.*).

³⁶ особнякам (*англ.*).

если ему доставлена возможность соответственно драпироваться, чтобы движения его не были стеснены кургузым европейским костюмом.

На следующее утро он, действительно, пришел нас просить на вечер в доме мистера Мёлля; предлагал сам нас проводить, но мы это отклонили, боясь, что задержим его – главного героя «званного вечера с индустанцами» вместо *итальянцев*...

В 8 часов все званые у Блаватской к ней же и собрались и, пользуясь прекрасной погодой и не дальностью расстояния, отправились пешком по хорошеньким, цветущим улицам в окрестностях Holland Park'a, за Кенсингтонскими садами, где каждый дом выстроен наподобие виллы и весь покрыт ползучими растениями и пестрыми цветами. Мы и не заметили, как дошли до небольшой улицы-аллеи, где с обеих сторон деревья палисадников тянулись, оттеняя на равных расстояниях одинаковые крылечки перед совершенно одинаковыми домами, перемежаясь с совершенно же одинаковыми колоннами. Такие улицы обычны Лондону: там однообразные здания тянутся как звенья цепи, так что необходимо запоминать номера домов, которые по наружному виду отличить трудно. Это, разумеется, касается лишь небогатых классов населения лондонцев средней руки; дома богатых собственников отличаются, напротив, величайшим разнообразием архитектуры.

Итак, мы поднялись к колоннам мозаичного крыльца, которого двойники тянулись от нас в обе стороны, и позвонили. Дверь почти мгновенно отворилась, и мы увидели обыкновенный нижний этаж английского house'a³⁷ среднего класса обывателей: узкий коридорчик-переднюю с лестницей вниз – в кухню в его глубине и дверью налево – в столовую, единственную комнату первого этажа; узенькая и довольно крутая лестница перед нами вела во второй этаж – гостиную; сверх того в доме были, уж мы это знали, еще два этажа, т.е. две комнаты, одна над другой, – спальня и людская, или уборная, – смотря по вкусу и составу семьи.

Наверху лестницы появилась хозяйка дома, пожилая, но еще украшенная розовыми бантами, м-рис Мёлль, и молодой человек, ее сын. Они вышли к нам навстречу, извиняясь за хозяина дома, который был занят с гостями. Поднявшись на лестницу, мы услышали его голос, произносивший с напускной торжественностью:

...Sit still, my soul. Foul deeds will rise,
Though all the earth o'erwhelm them, to men's eyes³⁸!

– Айз-з-з! – протягивал он последнее слово, закрывая глаза и придавая самое мрачное выражение своему бело-розовому, добродушному старческому личику, выражение, приличествовавшее принцу Датскому во время его монолога о привидении его отца...

В отворенную настежь дверь гостиной м-р Мёлль нам весь был виден. Он стоял как раз к нам лицом под ярким светом стенной лампы, выставив ногу вперед, отбросив голову с закрытыми глазами на затылок, протянув руку с книжкой «Гамлета», открытой и украшенной его собственными комментариями. Вокруг, по остальным стенам, расположились его внимательные слушатели спинами к нам, неподвижно.

Мы невольно остановились, боясь прервать чтение. Боже мой, какая пестрота!.. Сначала я подумала, что гостиная полна нарядных дам, и только взглядевшись в спины, покрытые яркими шальями, бархатами, расшитыми золотом, в затылки, украшенные разноцветными тюрбанами, я, наконец, поняла, что это все представители разных провинций Индии в своих костюмах.

Тут хозяин дома опустил руку с книгой Шекспира, медленно открыл глаза и, увидав нас, с приветливой улыбкой устремился нам навстречу. В гостиной все поднялось и зашевелилось... Мы, было, начали извиняться за перерыв, уговаривая продолжать чтение, но м-р Мёлль покачал головой, замахал руками и шепотом стал уверять нас, что он предложил «почитать "Гамлета"»

---

³⁷ домá (англ.).

³⁸ ...Терпи, душа; изблится зло, / Хотя б от глаз в подземный мрак ушло (В.Шекспир «Гамлет», акт I, сцена 2, пер. М.Л.Лозинского).

только пока», в ожидании нас, не желая, чтобы мы пропустили что-либо из интересных развлечений, которые готовят нам его гости.

То же самое подтвердил и Рессель, выйдя вслед за хозяином дома и радушно здороваясь с нами.

Мы вошли в гостиную, которая нам показалась переполненной актерами в богатых костюмах, и поспешили занять предложенные места. Тогда произошло нечто странное. Хозяин дома начал по очереди брать за руки своих гостей и подводить к нам. Мы думали, что он нам будет представлять их, но не тут-то было! Он каждому из них называл нас, трех вновь прибывших женщин, немилосердно коверкая притом мое русское имя... Не знаю чем, какими правилам общежития старик руководствовался называя им нас, а об именах «индийских джентльменов», как он их именовал, предоставляя нам после самим разузнавать; думаю, что он так действовал, соображаясь с нелестным мнением о ничтожестве женщин на Востоке в отечестве большинства его гостей. Я имею основание так предполагать вследствие того, что тех немногих из их числа, которых не знал наш провожатый, м-р Китли³⁹, секретарь теософического общества, он назвал ему, представляя их обоюдно... Впрочем, мы потеряли немного, потому что где же запомнить их бесконечные имена?..

Когда все чинно заняли места, воцарились довольно продолжительное молчание и неподвижность, прерванная, наконец, появлением слуги с подносом чая и кэксов. Я отказалась от того и другого, предпочитая наблюдать. Индусов было здесь человек десять и двое мусульман; все в разных костюмах и по форме, и по доброте материй, и по цветам. Большинство костюмов были очень богаты и очень ярки. Обыкновенных белых тюрбанов, которые часто видны на улицах Лондона, – потому что уроженцы Индии, даже надевая пиджаки и пальто из шотландских материй, любят их сохранять в летние месяцы, – здесь теперь не было. Почти все головные уборы были из розовых, желтых, золотых газов, богато вышитых, с золотыми бахромами. Один был в чем-то вроде арабской *абы*⁴⁰ из чудной индийской шали; остальные почти все были в парчовых и бархатных, шитых золотом кафтанах, вроде кофт или епанчей⁴¹, довольно коротких, в рубашках или подрясниках другого цвета и в прямых шароварах, из-под которых еле виднелись туфли без задков и без каблучков, которые они часто сбрасывали, оставаясь в носках. Носки, вероятно, были чужды национальному, собственно, костюму и надеты лишь для приличия...

Когда чай был выпит и чашки отданы обратно слуге, хозяин дома откашлялся и возвысил голос.

– Не пожелают ли уважаемые джентльмены доставить собравшемуся обществу случай насладиться искусствами их родины? – спросил он. – Не споют ли они нам песен своего прекрасного отечества? Не потешат ли музыкой и танцами своих соотечественников?..

«Уважаемые джентльмены» переглянулись, усмехнулись, зашевелились.

– Мистер Диарма Чандра Багарусвами обещал мне спеть песнь о брате, разыскивавшем в лесу своего пропавшего брата! – напомнил м-р Рессель

– О, да! Да! Мы надеемся, что м-р Багарусвами доставит нам сегодня это высокое удовольствие! – поспешно прервал его хозяин дома. – Но серьезное наслаждение надо оставить на конец... Теперь бы начать с легкой инструментальной музыки. Как думает о том мой друг, мистер Гирдхари Лалл Джаясурия?

М-р Гирдхари Лалл Джаясурия, огромный человек с отвислыми губами и в красной чалме, привстал и поклонился.

– Я готов! – сказал он. – Но мой инструмент так несовершенен, что я попросил бы своего друга, мистера Рагунат Роу Нанду, с согласия высокоуважаемого собрания, аккомпанировать мне.

Все поспешили согласиться.

---

³⁹ Китли Бертрам (1860–1945) – английский теософ.

⁴⁰ Аба – основная одежда арабов, плащ-накидка из темно-коричневого или темно-синего материала, иногда украшенная полосами, надеваемая поверх подпоясанной рубахи с широкими рукавами.

⁴¹ Епанча – широкий, безрукавный круглый плащ с капюшоном.

Тучный Джаясурия и худой, высокий Рагунат Роу Нанду не вставая с мест, приосанились. Последний взял лежавшую возле него балалайку или гитару с очень длинным горлом и глубоким, горбатым дном, – очень похожую на наш кавказский чунгури⁴², и начал настраивать ее, бегло затрагивая струны. Настроив, он кивнул головой товарищу, перемолвился с ним по-своему и приготовился играть.

Великан, между тем, вытащил из кармана маленькую дудочку и приложил к огромному рту. Концерт начался.

Вначале нам было страшно поднять глаза и посмотреть друг на друга из боязни рассмеяться, до того комичны показались нам эти музыканты; но чем явственнее и смелей раздавалась оригинальная, заунывная мелодия флейты и гитары, тем более нравилась она, лаская слух своей задушевностью... В ней слышались ласка и жалоба и тихая грусть разбитого, безнадежного сердца... Все тише и тише, чуть слышно лились звуки и замерли... И вдруг, без всякого перехода, не дав нам времени поблагодарить или пошевелиться, музыканты переменили размер и манеру игры. Что-то задорное, насмешливое прозвучало в певчих нотах флейты; что-то серьезное, требовательное слышалось в отрывистых аккордах гитары и вот та и другая слились в развеселую залихватскую песню, невольно заставлявшую всех улыбаться и одобрительно подбивать такт музыкантам.

Когда они смолкли, сами улыбаясь, гром аплодисментов и одобрений посыпался на них.

Их просили играть еще и еще, и они играли охотно. Потом выступил маленький, тщедушный человек в зеленом бархатном кафтане и розовом тюрбане. Он спел несколько песен, аккомпанируя себе на той же горбатой гитаре. Одна из песен была очень оригинальна по исполнению; в ней ясно слышались вопросы и ответы двух лиц... Мы попросили певца объяснить ее смысл, и он, и другие наперерыв бросились объяснять нам, что молодой, но неуклюжий sweetheart⁴³ – суженый или, вернее, «милый» расспрашивает свою нареченную: почему она смеется, когда на него смотрит? Почему она так быстро отскочила от его товарища, красивого юноши, когда он вошел? Что заставило ее искать опоры в этом красавце, прильнув к плечу его?... На все эти неловкие вопросы девушка бойко отвечает: «Смеюсь я, глядя на тебя, о, милый мой! Потому что я люблю и не в состоянии, при виде красоты твоей, сдержать своей радости. Оперлась я на плечо твоего товарища в ту минуту, как ты входил, потому что на тебя заглядевшись – споткнулась... Устранилась я от него так быстро – оттого, что всякое прикосновение, кроме твоего, мне неприятно, а потому, дотронувшись, – я оттолкнула его...» Глупый жених очень доволен, но вдруг вспоминает:

«Но зачем же ты, радость моя, споткнувшись, на него оперлась, а опершись, его поцеловала?...»

«Оттого, – возражает ему убедительно невеста, – что, увидав светлую красоту твою, я все забыла и так обрадовалась, что в забытьи даже его, постылого, поцеловала!..»

«Вот истинная любовь! – восторгается жених. – О! Милая моя, воистину, ты послана мне богами!»

Видно, есть такие общечеловеческие черты, где Париж и Индия соприкасаются!..

Через несколько минут, когда певец сел на свое место и опять все притихли, м-р Мёлль вновь заговорил громче обыкновенного.

– Будет ли теперь мой уважаемый друг (снова длиннейшая, витиеватая кличка) столь любезен показать европейцам, не знакомым с искусствами Индии, какие прекрасные танцы существуют на его родине и как артистически он их выполняет?

Произошло маленькое волнение среди бронзовых, желтых и чернокожих (один из мусульман был почти негр) гостей м-ра Мёлля. Одни сошлись тесной группой, другие от них отделились, иронически усмехаясь; все оживленно шептались... Мы ожидали. Я всматривалась в единственное красивое лицо, арабского типа, одного из гостей, не принимавшего участия в общем оживлении. Я знала, что это и есть Диарма Чандра, о котором слышала часто у г-жи Блаватской как о

⁴² Чонгури – грузинский 4-струнный щипковый музыкальный инструмент.

⁴³ возлюбленный (англ.).

замечательно ученом, умном человеке, большом патриоте и талантливом певце. Он просидел весь вечер в углу за пианино⁴⁴, молча и почти неподвижно. Его светло-желтый тюрбан из прозрачного газа с шелковой бахромой падал мягкими складками до полуспины, смешиваясь с длинными, вьющимися сине-черными волосами; небольшая борода и длинные шелковистые усы оттеняли его бронзовое лицо, которое эффектно вырезывалось в профиль на малиновой портъере. Он молчал, полузакрыв глаза, но нервное подергивание бровей и руки, беспокойно теребившей усы и бороду, доказывали, что он слушает и волнуется.

Приглашаемый показать свое танцевальное искусство молодой индус с утиным носом и в очень богатом платье, наконец, выступил из группы окружавших его товарищей и конфузливо заявил, что он и рад бы потешить общество, да нет того, который, обыкновенно, играл для него танцы; нельзя же танцевать без музыки, – а здесь никто не умеет играть танцев...

– Неужели никто?.. Может ли быть?.. Это так жаль! – раздалась возгласы.

– Может ли быть, чтобы м-р Рагунат Роу, или м-р Суба Састриа Анантарамир, или м-р Лалабхай Патта Гопа Лакхариар не сумели играть своих национальных плясок? – бросался хозяин ко всем по очереди.

Мы начинали уже думать, что не увидим танцев. Одна молоденькая женщина, стоя возле Диармы Чандры, но не глядя на него, засмеялась и неосторожно, довольно громко, сказала мне по-английски, что, вероятно, они не хотят танцевать, боясь, что насмешат дикими танцами... Сосед ее вскинул на нее глаза и тотчас приподнялся.

– Я могу играть вам все, что хотите, Ратна Мунг Дакшинесвара, – сказал он громко. – Какой вам танец? Я все знаю!

В голосе его была решительность и раздражение, ничем, казалось, не вызванные; но мне было ясно, что замечание моей собеседницы задело его за живое.

Все оживились. Танцор подошел к Багарусвами и они вступили в оживленные переговоры вполголоса. Порешив дело выбором одного мотива из нескольких наигранных ему на гитаре вызвавшимся музыкантом, Ратна Мунг вышел на середину комнаты. Все поспешили занять места вдоль стен. Музыкант и танцор сосредоточились... В комнате воцарилась мертвая тишина и неподвижность.

Раздался легкий удар по струнам и, согласно с ним, все тело танцора встрепенулось. Другой удар сильнее и продолжительнее и руки Ратна Мунга Дакшинесвары поднялись в обе стороны, в уровень с плечами, пурпуровая аба его свесилась тяжелыми, богатыми складками до полу. Все гибкое тело его дрожало и извивалось под ними, согласно наигрываемой Чандрой мелодии, словно невидимые электрические нити были проведены от струн его к нервам танцора. Еще сильный аккорд и широкая аба упала к ногам Ратна Мунга... Ловким движением он отбросил ее и остался в узком голубом кафтане и широких шальварах, не перетянутых у ног, а доходивших прямо до самого пола. Маленькие ступни его, в одних носках, едва мелькали из-под них, как из-под юбки... Что он ими проделывал – трудно представить! Вообще, оригинальный танец его не подчиняется описанию. Это был скорее не танец, а удивительные по ловкости, по медленному изяществу, переходившему то в полное оцепенение, то в изумительную быстроту, телодвижения. Маленькая фигурка с утиным носом и большим ртом, казалось, преобразилась: откуда взялись благородство, величавость и грация!.. Все с явным восторгом следили за ним и это немое одобрение еще больше его воодушевляло...

Черные, блестящие глаза Диармы Чандры теперь не были закрыты опущенными ресницами, а с торжествующим выражением оглядывали общество и ласково останавливались на искусном танцоре. Их взгляды порою встречались и они обменивались невольными улыбками... Между музыкантом и танцором, положительно, установилось магнетическое сочувствие. Когда заключительные аккорды гитары замерли в воздухе и заодно с ними исчезло все возбуждение танцевавшего, голова его и руки медленно опустились и сам он замер, словно с последним звуком покинула его и последняя жизненная сила. Мы все еще продолжали смотреть и слушать и долго не

---

⁴⁴ пианино.

двигались, как бы сами находясь под каким-то бессознательным очарованием. Наконец-то, когда Ратна Мунг сошел с своего места и, улыбаясь, обводил глазами присутствовавших, мы опомнились и все устремились благодарить его.

Моя соседка, огорчившая Диарму Чандру своим неосмотрительным замечанием, мало благодарила танцора, восхитившего нас. Она теперь только имела глаза для незамеченного ею прежде музыканта. Пока он играл, она много раз уж склонялась ко мне, дергала меня за руку и все повторяла:

– Посмотрите на него! Да посмотрите, какой красавец этот музыкант!.. Да, ведь, это чудо, как он хорош!.. Как это мы его прежде не заметили!

Когда все стали просить Багарусвами петь, она просила любезнее и убедительнее всех, а восторгалась его пением, положительно, чересчур усиленно. Хотя песня, им спетая, в самом деле, за душу хватала и голос его был очень хорош, но, разумеется, оба должны были выигрывать много вне стен городского дома – на широком приволье лесов и джёнгов⁴⁵, между которыми молодой, осиротевший брамин разыскивает, в песне, своего юношу-брата. Просит он дебри лесные, болота и бездны бездонные возвратить ему его; просит яркое солнце, задумчивый месяц и трепетные лучи звезд – указать ему, где он? Молит ветер, тихо поющий в густых лианах, и тигра, ревущего во мгле пещер, отозваться на горькую мольбу его, сказать, куда скрылся юноша!.. Песнь кончается отчаянным воплем, когда герой ее, наконец, сознает невозвратность своей утраты, и вздохом божественного утешения – надежды на встречу с братом в их будущем воплощении на земле или в очарованных обителях Девакана⁴⁶.

Диарма Чандра эффектно закончил свое пение, которому сам аккомпанировал. Не будь он сам по себе красив, быть может, искусство его и не вызвало бы таких восторженных похвал, но, благодаря моей соседке, индусу была устроена настоящая овация.

Впрочем, не меньшей овации похвал удостоился в этот вечер и европеец: м-р Рессель прочел нам великолепное стихотворение Иоахима Миллера⁴⁷ «Mother Egypt»⁴⁸. Это – измученный страданиями матери, сын растерзанной британцами страны пирамид горько вопрошает их, что еще нужно им от нее?.. Все в ней разрушили они, все у нее взяли: ее вековые сфинксы, ее царственные мумии, ее величественные обелиски с начертаниями деяний героев, гробницы которых они уничтожили!.. Чего же еще хотят они?.. Нет более в Египте им нужных богатств! Если мало у них дома железа и бронзы для пушек и ядер – пусть срывают со своих храмов кресты и распятия и их превращают в орудия разрушения и смерти...

Beware young Albion! Beware!
I know the very Nile will rise
To drive you from this sacrifice!

Грозит он вечным завоевателям и «присоединителям»:

Then back, brave England! Back in peace
To christian lands of fat increase!

---

⁴⁵ джунглей (англ. jungle).

⁴⁶ Девакан у буддистов – место загробной улады, вознаграждения праведников, но не рай: это состояние переходное, блаженства временного, которое не исключает возможности новых воплощений и достижения вечного успокоения – Нирваны. – *Примечание В.П.Желиховской.*

«Девакхан (санскр.) “Обитель богов”. Промежуточное состояние между двумя земными жизнями, в которое входит Эго (Атма-Буддхи-Манас, или Троица, преобразованная в Одно), после своего отделения от кама-рупы и разложения низших принципов на земле» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 152.*)

⁴⁷ Миллер Джоакин (Miller Joaquin, 1841–1913) – американский поэт, эссеист и баснописец.

⁴⁸ «Мать Египта» (англ.).

«Прочь-де, храбрые англичане, к вашим землям, утучненным за чужой счет, пока сам Нил не восстал из берегов своих на вас! – Оставьте седую страну, назвавшую вас звезды, вскормившую вашего Моисея, – оставьте ее плачущую, спящую или мертвую, среди вековых развалин...»

With low and never lifted head.
If she be sleeping – let her sleep.
If she be weeping – let her weep!
If she is dead, – respect the dead!

Несмотря на присутствие многих англичан, никому из них и в мысль не пришло протестовать против «инсинуаций» египтянина и дерзости поэта... Все были в единодушном восторге от прекрасно прочитанного американским артистом стихотворения, и, разумеется, египтянину больше всех сочувствовали индусы...

«Званный вечер с *индустанцами*» закончился еще сильнее поражением британского престижа. Рессель вздумал обратиться к индусам с прощальным спичем, в котором благодарил их, превозносил их страну, высокую степень ее древнейшей цивилизации, ее искусств и знаний, ее красоты и богатств. Вместе с тем, он жестоко упрекал, в лице присутствовавших, всех ее «*неблагодарных сынов*», которые так мало ценят благоденствия и преимущества своей родины, так склонны забывать ее и менять их на обычаи молодой, ветреной Европы. В особенности укорял он их в том, что, приезжая в Лондон, они переряжаются в европейские костюмы, которые их совершенно безобразят, тогда как их собственные несравненно красивей, несравненно удобней. И стоило бы только первым двум-трем из них иметь достаточно гражданского мужества, чтоб пренебречь дивованием глупой толпы, – а остальные уж и не привлекали бы ничьего внимания...

На это, ко всеобщему удивлению, поднялся отвечать тот же Диарма Чандра Багарусвами и отвечал умно и даже очень красноречиво.

Он вполне согласился со справедливыми указаниями «уважаемого оратора, достопочтенного их друга м-ра Эдмонда Ресселя», только не принимал на себя и соотечественников своих ответственности за свою и их неблагодарность и неразумие, а слагал ее на «*высокопочтимых покровителей Индии*» – на правительство их «*обожасмой императрицы*» и представителей ее страны, цвет британской интеллигенции, являющихся править ими, бедными невеждами, и поучать их уму разуму...

– Не на невежественную толпу обращаем мы, дети старой Индии, внимание! Не насмешек ротозеев боимся, отрешаясь от всего нашего в Европе, – а указаний и внушений наших высокоумных руководителей, – говорил он. – Кто, как не ваши передовые люди, образованные англичане, с детства приучают нас смотреть на все свое, родное, с недоверием, даже с презрением?.. Кто, как не они, внушают нам отвращение к отжившей, павшей Индии и поклонение пред всем, – не скажу европейским, – нет! но их собственным, великобританским?.. От нас требуют беспрекословного уважения, безграничной преданности; нам выказывают одно презрение, одно враждебное пренебрежение... Почему? – спрашиваем мы. А потому, возражают нам, что вы рабы! Невежды, дикари, не стоящие ничего другого!.. Вы должны еще благодарить нас за наше милостивое покровительство, без которого вы бы погибли... Кланяйтесь и благоговейте!.. Вот мы и верим на слово, смеем ли не верить «*нации из наций*», передовому, образованнейшему, могущественнейшему народу в мире?.. Мы вам верим, и благоговеем, и рабски стараемся вам подражать и все перенимать от вас, не разбирая, – не смея рассуждать, – хорошо это или дурно!.. Но вы, господа англичане, уж не вините нас в том, чего сами требуете, чему нас учите! Уж если к нам прививаются ваши недостатки и ваши пороки, – имейте хотя великодушие сами принять за них ответ... Довольно бедному отечеству нашему своих самобытных прегрешений: не возлагайте на него ваших самодельных, – насильственно привитых нам грехов... Индия – колыбель народов! Страна Зороастра, Будды и премудрых Вед – еще древнее Египта! И я скажу словами вашего поэта, так мастерски переданными нам сейчас моим высокодаровитым другом, упрекнувшим нас, индусов, в неблагодарном легкомыслии: «Оставьте

нашу мать Индию!.. Если заснула она – дайте ей спать! Если же плачет – дайте рыдать! А если совсем умерла – пощадите ее в ее смертном покое!..»

Этой ссылкой на только что прочитанное стихотворение красивый Диарма Чандра Багарусвами закончил свою речь – и наш индийский вечер в Лондоне.